

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie. . . . .
Preis in Deutschland und 0.70 pf. (4 fr.)
sonstigen Ländern . . . . .

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 9 (365)
16-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр.,
на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.;
для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр.,
на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca,
(Square Albin Caehot, bdt. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Принем по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

10 Мая 1936 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: Пропавший лозунг.
Р. Абрамович. Франция на повороте.
П. Гарви. Восстановление казачества.
С. Шварц. «Движение жен».
Литература и жизнь: В. Александрова. Кризис крестьянской литературы.
Партийная трибуна: О. Доманевская. Борьба за единство рабочего класса.

Заграницей: Германская с.-д.-ия в подполье. — Испанские социалисты и Соц. Интернационал. — Из жизни швейцарских социалдемократов.

По России: Аресты и высылки анархистов. — В провинции без перемен. — В советской тюрьме и ссылке.

Издания, поступившие в редакцию.
Почтовый ящик.

ПРОПАВШИЙ ЛОЗУНГ

Советский Союз — страна революции, конечный исход которой еще далеко не предрешен, ибо исход этот зависит от целого ряда факторов внутреннего и, быть может, еще больше внешнего порядка. Но, как бы то ни было, на данном этапе революции Советский Союз отличается от всех прочих стран дивилизованного мира тем, что в нем начисто ликвидированы господствующие классы старого режима и во всяком случае еще далеко не выкристаллизовались господствующие классы режима нового, по-революционного, — если бы даже этому режиму и суждено было в конечном счете создать свое, обособленное и социально закрепленное, «правлящее сословие».

Естественно, что в таких условиях и майский праздник в Советском Союзе должен носить иной характер, чем в тех странах, где еще незыблемы основы капиталистической и до-капиталистической эксплуатации и где еще сохраняется в неприкосновенности соответствующее этой экономической основе социальное строение общества. Это не значит, конечно, что мы должны воспринимать, как специфическую «особенность» советского мая, все, что по случаю «праздника труда» угодно будет сделать советскому правительству и советской «общественности». Так, не революционной советской «спецификой», а истинно-русской, старо-мещанской пошлостью на версту пахнет от объявления, возвещающего на страницах «Правды» и «Известий» об изготовлении Главспиртом «к первомайским празднествам» коробок-сюрпризов с

набором разнообразных... ликеров. И точно так же не о широте революционного размаха и не о новых задачах и формах празднования, а о возрождении самых допотопных националистских и милитаристских настроений свидетельствует превращение майского праздника в военный парад, самую грандиозностью своею заслоняющий и отодвигающий на задний план все другие виды и формы жизнедеятельности, роста и даже самозащиты советского общества. Революционер и социалист не только не имеет основания преклоняться перед всякими такого рода проявлениями мещанской-ли пошлости или ура-патриотического восторга, но, наоборот, обязан отмечать и «клеить» эти симптомы опасного «загнивания» революции.

Но за всем тем, повторяем, нельзя не видеть, что во многих отношениях майский праздник должен носить в Советском Союзе иной характер, чем в других странах, как иначе должны звучать и майские лозунги. Эти лозунги не могут ограничиваться провозглашением юбщих целей низвержения строя эксплуатации и построения мира свободного и равного труда. В революционной советской стране они непременно должны отмечать этапы, пройденные строительством нового общества за минувший год, с одной стороны, этапы, которые предстоит пройти в год наступающий, с другой. Они должны рисовать тот практический, конкретный путь, которым это общество, в наличной внутренней и международной обстановке, продвигается и намерено продвигаться к осуществлению

того социалистического идеала, который остается общим для пролетариев всех стран и который и является общим для них всех содержанием майского праздника.

Этой задаче в значительной степени идут навстречу «лозунги к 1-му мая», опубликованные советскими газетами 21 апреля. И неудивительно, что «стахановщина» в применении ко всем отраслям советского хозяйства занимает в этих лозунгах самое видное место: можно быть разного мнения о действительной роли и действительном значении стахановщины; но известно, что именно на эту карту ставит сейчас советское правительство свою главную ставку, и неудивительно, что эта политика диктатуры нашла полностью свое отражение в формулированных этой диктатурой майских лозунгах. Но тем знаменательнее и показательнее, что нельзя найти в этих лозунгах и намека на ту другую политическую идею диктатуры, которую она сама провозгласила и при случае (напр., на только что закончившемся комсомольском съезде) продолжает провозглашать с величайшей помпой, как новейшее и самое важное достижение в процессе успешного построения «бесклассового общества», и осуществление которой обещано ею в промежуток времени, отделяющий май нынешнего года от мая будущего. Читатель догадался уже, вероятно, что мы говорим о торжественно обещанной демократизации советского режима.

О демократизации, как о высшем достижении советской власти, как об увенчании построенного ею здания «бесклассового общества», немало говорилось за последнее время и в интервью с иностранцами, и в речах, предназначенных для внутреннего употребления. Разработанной соответствующей реформы занимается целая комиссия с 11 подкомиссиями, возглавляемая самим Сталиным, и реформа эта (слишком заметной величиной входит в правительственную программу текущего года, чтобы о ней просто могли «позабыть» при

составлении списка майских лозунгов. Но, если ее позабыли, то, значит, ее не хотели или не могли внести в этот список. И это именно обстоятельство вызывает немалое чувство тревоги.

Провозглашенная демократизация может иметь для всех дальнейших судеб русской революции либо громадное значение, либо — никакое. Ее значение будет нулевым или даже отрицательным, если имеется в виду создать — по гитлеровскому образцу! — такие-какие внешние формы «демократизма», оставляющие нетронутым или прикрывающие и тем самым закрепляющие то бюрократическое единодержавие, которое в настоящий момент составляет реальную «конституцию» Советского Союза. И, наоборот, значение той-же демократизации может оказаться громадным в своем положительном влиянии, если она будет первым шагом к раскрепощению энергии трудящихся масс, к их политическому самоопределению свободной, организованной самодеятельности.

Умолчание об этом основном вопросе советской жизни в майских лозунгах слишком очевидно свидетельствует о том, что авторы этих лозунгов имеют в виду «демократизацию» именно первого типа: именно поэтому им нечего сказать о проектируемой реформе в майских призывах, нечем апеллировать к педературы майских демонстрантов. Но именно поэтому красноречивое молчание майских лозунгов должно заставить встрепетаться все сознательные элементы самих трудящихся масс. Они должны понять и неустанно разъяснять остальным слоям своего класса, что речь идет о вопросе, имеющем самое жизненное значение для дальнейшего хода и конечного исхода русской революции. Они должны подхватить лозунг пропавший в официальном майском списке, и по собственной почину поставить его в порядок дня. Такой почин и был бы первым актом той самодеятельности, которая только и может придать «демократизации» подобающее ей историческое значение.

Франция на повороте

За Испанией — Франция... Близорукий фатализм, отдававший было всю Европу на съедение торжествующему фашизму, терпит удар за ударом.

За Испанией — Франция. После четырех лет непрекращающегося тяжелого кризиса, после четырех лет политических шатаний и слабости демократии, после четырех лет министерской чехарды и тяжелых неудач в области внешней политики, после 6-го февраля и Лавалевских декретов, — выборы 26-го апреля-3 мая, давшие парламент, в котором почти две трети (63%) принадлежат партиям Народного Фронта!

Что на выборах победят левые, — в этом во Франции не сомневался никто. Отсутствие массового базиса у французской разновидности гитлеризма уже не раз проявлялось на всевозможных частичных и локальных выборах. Была полная уверенность в том, что широкие массы французских избирателей остаются верны демократии, и что победа демократии возможна, если только она даст возможность своим последователям ее поддержать и укрепить. Ведь и на выборах 1928 и 1932 годов избиратели посылали в парламент левое большинство. Но это левое большинство неизменно оказывалось в н у т р е н н е неспособным использовать свою победу и выполнить ту программу радикальных и решительных реформ, для осуществления которой избиратели посылали его в парламент. Блестящая победа левых в 1928 г. закончилась... кабинетом Пуанкаре. Не менее блестящий триумф левых на выборах 1932 г.

имел своим финалом кабинет Лавала. Было от чего прийти в отчаяние истинным сторонникам демократии: было от чего закрасться сомнениям и разочарованию в души безработных, в сердца разоренных аграрных и промышленным кризисом крестьян и горожан. Так во Франции создавалась почва для анти-парламентской фашистской пропаганды, для жажды «сильной власти» для социальной и национальной демагогии. Но nevertheless Франция страна, проделавшая три революции, пережившая разгром Коммуны, преодолевшая версальскую цевь. Достаточно было основным партиям народных масс — социалистам, коммунистам и радикал-социалистам — осязательно продемонстрировать свою готовность к решительной борьбе против реакции, достаточно было им созданием Народного Фронта засвидетельствовать свою волю к победе и к власти, как в широких массах крестьян и рабочих Франции с новой силой пробудилось вера в свои силы, возродилась политическая активность и боеспособность. 146 социалистов, 72 коммуниста, 115 радикал-социалистов, 45 представителей оппозиции коммунистов, нео-соц. и др. промежуточных группировок, всего 380 левых в парламенте, 618 депутатов! Какая блестящая победа!

***

Реакционные партии расклеили в Париже плакат, изображающий Сталина истинным «отцом» Народного Фронта. В этой демагогии есть доля истины: бес...

самого активного участия коммунистов был бы немислим и Народный Фронт, и его столь блестящая победа. Но изменение в тактике французских коммунистов, приведшее их сначала к Единому Фронту с социалистами, а затем к Народному Фронту, действительно могло бы произойти без согласия и благословения Москвы. Старая тактика коммунистов, объявлявшая социалдемократию «главным врагом рабочего класса», основанная на злополучной теории «социал-фашизма», осуждала на бессилие и социализм и самый коммунизм. Ведь и в 1932 году коммунисты имели без малого 800 тысяч голосов. Но их раскольническая и бессмысленная тактика при перебаллотировках не только привела к тому, что их собственное политическое влияние в парламенте свелось к 10 депутатам, но и отняла у социалистов от 40 до 50 мандатов. Но этого мало. Обесценивание обеих рабочих партий проявлялось не только количественно, в числе депутатских мест. Благодаря братоубийственной политике коммунистов, была парализована и внутренняя ударная сила как тех полтора десятка социалистических и коммунистических депутатов, которые в 1932 году все же в парламент попали, так и стоявших за ними миллионных масс. Связанные оглядкой на коммунистов, вынужденные бороться на два фронта, социалисты не смогли использовать всех тех больших возможностей, которые им тогда представлялись. Стоит представить себе на минуту, что коммунисты повели себя и на нынешних выборах так же, как в предыдущие годы, для того, чтобы оценить всю произошедшую перемену и понять, насколько новая тактика Коминтерна, т. е. Москвы действительно способствовала победе Народного Фронта во Франции. Вот почему поворот в политике коммунистов имел такое значение, вот почему этот «поворот вправо» привлек к ним столько симпатий и дал им столько новых голосов!). Но нужно ли доказывать нашим читателям, какое огромное, решающее значение для всего политического развития во Франции сыграла смелая инициатива социалистической партии в дни 9 и 12 февраля 1934 года, тактика, увлекшая за собою широкие массы французского пролетариата, в том числе и коммунистического, покинувшего в тот момент своих вождей? И не ясно ли, что в создании той широкой коалиции пролетарских партий с элементами буржуазной демократии, которая во Франции, как и в Испании, получила название «Народного Фронта», огромную роль сыграл тот факт, что массы французского мещанства и крестьянства оказались невосприимчивыми к фашистской заразе и активно поддержали своих политических выразителей, радикал-социалистов?

Если уж заняться поисками отцовства, то избирательная победа Народного Фронта на выборах имела нескольких отцов...

***

Рабочие парижских предместий, лионские ткачи, мелкий городской и деревенский люд, бурно демонстрировавшие в ночь с 3 на 4 мая, не только проявляли свой восторг по поводу поражения ненавистной им фашистско-капиталистической реакции: в их победных кликах находила свое выражение надежда, что в новом парламенте создастся, наконец, истинно-народное правительство, которое выведет страну из тупика; уверенность в том, что политика единого фронта не прекратится и после выборов и найдет свое выражение в создании правительства Народного Фронта, опирающегося на парламент Народного Фронта. В данный момент нет,

*) На выборах 1928 г. коммунисты получили около миллиона голосов, на выборах 1932 г. на 200.000 меньше: так пролетарские избиратели наказали компартию за ее раскольническую тактику.

к сожалению, еще полной уверенности в том, что действительно удастся создать правительство, способное закрепить избирательную победу Народного Фронта и явиться исполнителем народной воли. Мы несколько не склонны преуменьшать те внешние препятствия, на которые вне сомнения натолкнется образование такого правительства, то бешеное сопротивление, которое подобного рода правительство встретит со стороны крупно-капиталистических и реакционных кругов. Буржуазная печать с особенной настойчивостью подчеркивает «беспокойство и нервозность», овладевшие парижской биржей на следующий день после перебаллотировок. Финансовые и банковские круги, обеспокоенные возможностью образования правительства, в программе которого стоит национализация банков, организуют утечку золота: около миллиарда утекло в последние две недели до выборов; миллиард был изъят за неделю между 26 апреля и 3 мая; еще большая паника начнется, конечно, теперь. «Энтрансижан» злобно указывает, что правительству Народного Фронта придется иметь с первого же момента два не совсем приятных «разговорчика»: с Банк де Франс и Сберегательной Кассой. Саботаж капиталистических кругов не ограничится, конечно, только организацией финансовых затруднений: будут пущены в ход все рычаги экономического и политического воздействия, будет организовано давление могущественных международных кругов, будет приведено в движение глухое сопротивление бюрократического аппарата, будет спущена с цепи вся свора продажной печати... Но не в этих внешних затруднениях видим мы главную опасность для судеб Народного Фронта. Гораздо серьезнее вопрос о том, найдут ли партии Народного Фронта достаточно в внутренней силе для того, чтобы образовать дееспособное и боевое правительство Народного Фронта?

***

В экстренном выпуске «Пополэр», появившемся 4-го мая, Леон Блюм, признанный вождь социалистической партии, а теперь и лидер самой сильной фракции парламента, заявляет: «Мы считаем нужным заявить, не теряя ни одного часа, что мы готовы выполнить принадлежащую нам роль, т. е. образовать и возглавлять правительство Народного Фронта». Радикал-социалистическая газета «Эвр», отражающая настроения господствующих кругов радикал-социалистической партии, в своем номере от 4-го мая прямо предлагает социалистической партии взять на себя образование правительства Народного Фронта, которое бы увенчало избирательную победу левых. К сожалению, до сих пор еще определенно и недвусмысленно не выявила своей позиции коммунистическая партия, — этот необходимый и неустрашимый третий фактор Народного Фронта. В экстренном выпуске «Юманитэ» передовая статья отмечает: «Победа единого фронта показала, что... могущественное единство объединило миллионы граждан. Совместно они победили, совместно они желают, чтобы их победа принесла свои плоды». Но на следующем же столбце этого выпуска «Юманитэ» воспроизводится без всяких комментариев приведенная нами уже цитата из статьи Леона Блюма. Остается неясным, каким же образом «миллионы граждан» добьются «плодов своей победы»? Если сопоставить уклончивую позицию коммунистической печати с прежними заявлениями секретаря коммунистической партии Торрезы, указывавшего, что коммунисты согласны поддерживать левое правительство, но не желают в нем участвовать, то возникает законное сомнение в готовности французских коммунистов действительно участвовать

в создании того правительства Народного Фронта, о котором говорил Леон Блюм. Но отказ коммунистов войти в правительство Народного Фронта ставить в чрезвычайно тяжелое положение социалистическую партию, и в последней имеется немало товарищей, которые полагают, что без коммунистов участие социалистов в правительстве коалиционном с радикал - социалистами и другими промежуточными группами является слишком рискованным экспериментом. Таким образом, вместо правительства Народного Фронта, несомненно волной народного воодушевления, руководимого партией рабочего класса (ведь коммунисты и социалисты имели бы в таком правительственном блоке 230 мест из 380) и потому способного проявить предельную решимость и смелость, мы получим новое издание министерства Сарро, — половинчатое, нерешительное и колеблющееся радикал - социалистическое министерство, каких мы видали уже много за последние восемь лет. Нужно ли указывать, каким жестоким разочарованием такой финал явился бы для широких рабочих и народных масс, и какие поистине роковые последствия это разочарование имело бы для судеб демократии и социализма?

«Юманите» как-то писало, что одно дело участие в «обыкновенном левом правительстве» и совсем другое дело создание «подлинного правительства Народного Фронта», способного к радикальным и решительным мероприятиям. Коммунистическая газета права постольку, поскольку правительство Народного Фронта, во главе которого становятся рабочие партии, должно иметь определенную и ясную программу решительных и радикальных мероприятий, выходящих за пределы тех половинчатых и мелочных заплат, к которым до сих пор обычно прибегали так наз. «левые правительства» во Франции. Тут нет никакого разногласия между французскими социалистами, коммунистами и даже очень многими радикал - социалистами: новое французское правительство должно будет «заговорить по испански». Это отнюдь не означает, что мы отождествляем современную Францию с Испанией, которая находится в процессе развертывающейся революции, перед которой еще стоят проблемы (раскрепощение крестьян, освобождение от власти клерикализма и т. п.), которые во Франции разрешены еще во время Великой революции. Но «заговорить по-испански» это значит — опираясь на тесное сотрудничество пролетарской демократии с буржуазной, рядом решительных ударов осуществить сумму радикальных реформ, глубоко меняющих не только политический порядок, но и экономические и социальные взаимоотношения. Программа этих реформ изложена с достаточной ясностью в избирательной программе Народного Фронта, скрепленной подписями официальных представителей компартии, социалистов и радикал - социалистов. Вопрос, который поэтому стоит перед французскими коммунистами, и на который они должны будут ответить в ближайшие же дни, состоит в том, согласна ли компартия активно участвовать именно в «подлинном народном правительстве», которое поставит себе задачей проведение той самой программы Народного Фронта, под которой красуются подписи и представителей коммунистов?

Пойдут ли на это, в конце концов, коммунисты? Решится ли социалистическая партия без них войти в новообразующееся правительство при обещании лояльной поддержки со стороны коммунистов? Или, может быть, во Франции будет повторен опыт правительства Асаньи, не заключающего в себе представителей рабочих партий, но поддерживаемого ими и работающего с ними в полном единении, — вот вопросы, от решения которых зависит дальнейшая участь не только Франции, но и всей Европы,

Чем запутаннее делается мировое положение, чем настойчивее становится натиск германского гитлеризма и итальянского фашизма, чем больше развивается скачка вооружений и надвигается опасность новой мировой войны, — тем центральнее становится международное значение Франции, этой решающей военной и экономической державы европейского континента, этого поста демократии на границе фашизированной Центральной и Южной Европы.

Вступает в свою решительную стадию абиссинско-итальянский вопрос. В хаосе и пожарах гибнет тысячелетняя империя негусов. Итальянская армия занимает Аддис-Абебу, и Италия утверждает у истоков Нила. В Германии экономическое и политическое развитие автоматически толкает к войне, и зарницы на Рейне, Дунае и на Балтийском море уже предвещают ту новую грозу, которая надвигается на мир с силой грома. В Польше подземные толчки грозят опрокинуть установленный там Пилсудским режим и привести к новым потрясениям. В Бельгии в конце мая назначены новые выборы, долженствующие подвести итог упорной борьбе между социализмом и реакцией. В мае на очередных сессиях Совета будет решаться судьба Лиги Наций и окончательно определится, в зависимости от этого, дальнейшая политика Англии, и во всем этом сложном переплете международных интересов и проблем видную, может быть, решающую роль будет играть политика Франции. В Лондоне и Берлине, в Варшаве и Брюсселе, в Москве и Токио с напряженным вниманием следят за тем, какое во Франции образуется правительство, какова будет судьба Народного Фронта, одержавшего столь блестящую победу и побудившего столько надежд и опасений. И потому истинная историческая ответственность ложится сейчас на плечи наших французских товарищей. Правительство Леона Блюма может стать поворотным пунктом в истории Европы, решающим этапом не только в развитии пролетарской тактики, но и в деле сохранения мира и предотвращения новой мировой катастрофы.

Р. Абрамович

В ПАРИЖЕ

Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно купить в следующих киосках Г А Ш Е Т

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 41, bd des Capucines.
- 6) 11, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Élysées.
- 8) 150, av. des Champs-Élysées.
- 9) Pl. de l'Étoile (côté Friedland).
- 10) Pl. de l'Étoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Nouvelle.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 63, bd Saint-Michel.
- 22) ROURRELIER, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETTE, av. des Champs-Élysées.
- 24) Pl. Pigalle.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кроме того отдельные №№ продаются в конторе журналов (от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа

Восстановление казачества

Еще недавно казалось, что долгий и извилистый исторический путь казачества оборвался — и навсегда. Казалось с корнем вырван этот неповторимо-своеобразный продукт многовековой русской истории, порожденный бегством в порожние степи всякого рода тяглых людей от кабалы и неводи московского царства — и им же поставленный на службу охраны своих юго-восточных границ, постепенно расширявшихся — при помощи того же казачества — по «евразийской» линии от Черного моря и до Тихого океана.

Но и внутри московского царства, превратившегося в великую российскую империю, бывшая казачья вольница, постепенно приручаемая и подкупаемая сословно-кастовыми привилегиями, стала оплотом царско-помещичьего строя. Убив вольнолюбивую душу казачества, давшего некогда Разина и Пугачева, кастрировав его политически, царизм сохранил однако сословно-кастовую особенность казачьих войск, чтобы тем вернее поддерживать изолированность казачества от основной массы многоплеменного русского народа и еще больше укрепить его роль, как ценного пса при самодержавии. И только война, вскрывшая гниль самодержавия и его опасность для самого бытия государства российского, подорвала верноподданническую «мораль» казачества.

Казак, шашкой зарубивший в февральские дни 17-го года ретивого полицейского пристава на переполненной бунтующими рабочими Знаменской площади в Петрограде, символизировал этот перелом в настроении казачества. Низовая толща казачества приняла февральскую революцию и повернула к демократии. И только октябрьский переворот, развязавший гражданскую войну, да политика комбедов и разверстки, проводившаяся большевиками в деревне, раскололи казачество в его массе, отбросив большую его часть в лагерь разнородной контр-революции, временно прикрывавшейся флагом казачьей самостоятельности. Лишь небольшая часть казачества пыталась (на Кубани) под флагом той же самостоятельности закрепиться на сколько-нибудь демократических позициях. За большевиками пошло во всяком случае меньшинство казачества. Вот почему гражданская война в казачьих областях носила особенно упорный и кровавый характер. Лозунг Троцкого: «Пролетарий на коня!» знаменовал собою разрыв советской власти с основной массой казачества, — разрыв, выразившийся в политике расказачивания покоренных казачьих земель.

Эта политика расказачивания была замедлена в годы нэпа, но с новой силой возобновилась с началом сталинской генеральной линии. Коллективизация должна была вырвать экономическую почву из-под казачества. Раскулачивание стало оружием расказачивания. В «Поднятой целине» Шолохова, по социальному заказу живописующей кровавую эпопею насильственной сплошной коллективизации доносского казачества, приводится такой эпизод: на предложение присвоить организованному после раскулачения колхозу название «Красное Казачество», последовал категорический отказ с характерной мотивировкой: казачества больше нет и быть не должно.

Казачества больше нет — и быть не должно! В самом деле — какое же казачество в «бесклассовом обществе»? Какие же казачьи традиции при «интегральном социализме» в городе и деревне? Какой же казачий фольклор при сплошной одноцветной комсомольской культуре? И вдруг понадобилось для чего то восстановить упраздненное казачество. И вдруг дается

лозунг о казачестве расказаченной навек «средневековой касты». И вдруг власть льстиво апеллирует к казачьим традициям, к казачьей воинской доблести, к казачьей верности родине.

Что случилось? Не ищите в большевистской печати, в выступлениях большевистских вождей прямого указания на причины поворота диктатуры «лицом к казачеству». Казачество, — говорят они, — потому-де восстанавливается, что «основная масса казачества сжилась и сроднилась с колхозным строем, сжилась и сроднилась с советской властью, покончив с проклятым прошлым, когда казачьи районы, особенно Дон и Кубань, были оплотом контр-революции и гнездом анти-советского саботажа» («Правда» от 18 февраля). Офицерско-кулацкая верхушка казачества начисто срезана, основная его масса растворилась в колхозном крестьянстве, — и вот «казачество заняло свое особое место в рядах революционного народа».

Какое же это свое место и почему оно особое?

Мы оставляем в стороне вопрос о том, точно ли казачья масса повернула «на путь колхозный, на путь социалистический раз и навсегда» («Правда» от 15 апреля), и точно ли казачество «решительно и твердо стало под красное знамя социализма» («Правда» от 18-го февраля). Позволительно в этом усомниться. Достоверно лишь то, что вынужденные уступки, сделанные в последнее время крестьянству, привели к некоторому улучшению в сельском хозяйстве и, в связи с этим, к ослаблению крайней напряженности в отношениях между насильно коллективизированным населением казачьих областей и властью. Как и во всей Советской России, землеробы и в казачьих областях вынуждены волей-неволей приспособляться к колхозному строю, как к неизбежности в создавшихся условиях, и, следовательно, осуществлять свои частнохозяйственные интересы и стремления в рамках этого строя.

Нет, дело не в повороте бывшего казачества к колхозам, к социализму, а в военноопасном положении Советского Союза, с повелевающей необходимостью диктующем власти, с одной стороны, усиление военной мощи страны, а, с другой, максимально доступное терпеливости — утопической диктатуре замирения собственного населения, особенно, крестьянского, в целях поднятия морально-политического потенциала обороноспособности. Под этим углом зрения заигрывание власти с казачеством получает единственно правильное и реалистическое объяснение.

Казачество это военное сословие, в силу своей истории сочетающее с навыками оседлой жизни дух степных наездников, из рода в род передающих традиции воинской доблести и воинского умения. Поворот к родине, к нации, к народности, продельваемый в порядке военно-походной спешности советской властью, был бы неполон, если бы он не распространился и на казачество. Не забудем: казаки наводили панический страх на немцев во время великой войны. Время кавалерии не прошло и в век танков, — особенно в диких просторах Сибири, Манчжурии и Монголии, на театре возможной русско-японской войны. «Пролетарий на коня» годился на худой конец в условиях гражданской войны. Но эпос конармии Буденного уже не импровизированная, а высоко квалифицированная кавалерия. И уж во всяком случае нет лучшего материала для регулярной конницы, чем казачество, это слитное двуединство степного наездника и степного скакуна.

Советская власть взывает к казачеству и вызывает

его снова к жизни. Началось совсем незаметно — с воскресения казачьего фольклора: казачьей пляски, казачьей песни, казачьей одежды. Потом пошли казачьи слеты, казачьи походы, казачьи джигитовки. Решающим было патриотическое выступление казаков-колхозников на слете передовых колхозников в Кремле, которому демонстративно апплодировал сам Сталин. Выполняя задание, «Правда» так комментировала демонстративный «жест» вождя народов: в настоящее время «звание казака не является званием, которого чураются, его с гордостью носят казаки-колхозники».

Сигнал был дан. Казачество в ответном порыве поспешило закрепить новое положение. По станциям казачья молодежь стала организовывать взводы, сотни и целые эскадроны «ворошиловских кавалеристов», облачаясь в вытасненные из сундуков отцовские черкески и брюки с лампасами. Начались состязания в джигитовке: «кто лучше владеет конем и шашкой?» Захлебываясь от восторга, секретарь Северо-кавказского райкома ВКП, Евдокимов живописует в «Правде»: «Целый эскадрон казачьей молодежи, в черкесках, папахах, бурках, белых башлыках, при холодном оружии, на колхозных конях, производит внушительное впечатление, и в искусстве джигитовки, рубки, в строевом деле имеет уже немалые успехи. А песни поют — заслушаешься». Старики-казаки вызываются шефствовать над казачьей молодежью, чтобы передать ей казачьи навыки и знание ратного дела.

Но эта самодеятельность воскрешенного властью казачества была только подготовительной ступенью к планомерному осуществлению тщательно разработанного правительством плана восстановления особых казачьих частей и включения их в общую организацию Красной Армии. Не давая остыть казачьему патриотизму, поощряемому свыше в традиционных формах урапатриотизма*), советское правительство не только призывает «воспитывать, укреплять и культивировать» среди широких масс казачества и прежде всего казачьей молодежи «лучшие черты казачества — способность к железной дисциплине, отвагу и упорство, безответную самоотверженность в служении своей цели», но и рядом декретов организует военную службу казачества. 21-го апреля опубликован декрет об отмене всех ограничений, до сих пор существовавших для казаков, в смысле поступления их в Красную Армию. 24 апреля опубликован приказ Ворошилова о казачьих частях в Красной Армии. Приказ предписывает комплектование как территориальных, так и кадровых казачьих дивизий производить со всего населения Дона, Терека, Кубани и Ставропольщины, исключая горцев, выделяемых в отдельную кавалерийскую бригаду горских национальностей. Таким образом в состав казачества включаются и «иногородние», т. е. пришлое население казачьих областей, чем формально устраняются традиционное различие и рознь между природными казаками и «иногородними».

Казачество понадобилось. Казачество восстанавливается. Оно, оказывается, лишь снаружи было ликвидировано. Теперь оно готовится взять реванш. Ему дороги, конечно, и традиционные реквизиты своего особого полувоенного — полугражданского уклада. Но оно спешит на свой лад использовать заинтересованность власти в восстановлении казачества, чтобы вырвать у нее еще одну уступку своим частнохозяйственным интересам. К сталинской корове оно хотело бы присоединить и ворошиловского коня на каждый каза-

*) «Казачья шашкой мы начисто несем свиное рыло, которое сунется в наш советский огород!» «Да здравствует железный нарком обороны, под руководством которого мы будем крошить врагов!» Постыло-знакомый ура-патриотический фольклор...

чий двор. Терские казаки первые поставили этот вопрос, правда, еще в прикровенной форме: «Как организовать уход за лошадьми, чтобы казак уже с допризывного возраста ходил за определенным конем, которого он может в любую минуту, по зову правительства, оседлать для боевого дела». Явится ли, однако, конем последним словом казачьих домогательств «в интересах боевого дела»?

Экономические последствия необычайного размаха советского патриотизма вообще еще неясны. Уступки казачеству могут быть, очевидно, лишь частью общегосударственных уступок деревне. Ограничатся ли, однако, дело чисто экономическими последствиями? Подстегиваемая военной необходимостью, власть ударами в сполонит и в то же колокола будит национальную стихию, стихию патриотизма и народности, которая имеет свои законы развития и которую не так то легко будет направлять по желанию. Восстановление казачества в «бесклассовом обществе» показывает, что и самой мощной диктатуре надолго не жать в кулак все разнообразие живой народной жизни. Но упорное цепляние неприкосновенности диктаторской власти может направить разбуженную национальную стихию на ложный путь шовинизма и бонапартизма, одинаково опасный как для внутреннего развития, так и для внешней безопасности страны.

П. Гарви.

„Движение жен“

Своеобразное новое «движение» развивается сейчас в Советском Союзе — движение жен командиров промышленности, или, пожалуй, точнее: движение жен командиров тяжелой промышленности. За пределами тяжелой промышленности движение жен командиров почти не привилось, но в предприятиях тяжелой промышленности движение это, энергично стимулированное бравым наркомом, быстро распространилось, и в середине мая уже должно даже состояться первое всеобщее совещание жен командиров тяжелой промышленности.

В движении этом многое еще не определилось: и его границы (не территориальные, конечно, а персональные), и его организационные формы еще очень расплывчаты. Но в нем уже и сейчас сказываются некоторые характерные черты, которые и социологически, политически заслуживают пристального внимания. Анализ которых, как ни скромно значение этого движения само по себе, облегчает понимание новейшей эволюции всего советского общества.

Движение жен командиров промышленности это прежде всего движение в е р а б о т а ю щ и х жен командного состава промышленных предприятий, — не работающих в той или иной профессии, но и не очень загруженных домашним хозяйством. На вопрос, почему они не работают профессионально, не всегда легко ответить. В газетных отчетах теперь можно чуть ли не каждый день читать, что среди жен хозяйственников и инженерно-технических работников такого-то или такого-то предприятия-гиганта оказалось много врачей, инженеров, агрономов, педагогов, художниц и т. д. и что вообще среда жен командного состава промышленности чрезвычайно богата работниками ответственного труда (физический труд у авторов этих отчетов не в почете). В отчетах этих, конечно, много преувеличений, но наличность среди жен инженерно-технических работников (в меньшей степени среди жен хозяйственников) немалого количества лиц, знающих ту или иную хорошую и нужную профессию, вызывает сомнения. Если не все, то, конечно, многие из них мо-

ли бы найти на месте постоянную работу. Лет десять-пятнадцать назад они бы (не персонально, конечно), это, вероятно, сделали: положение жены при муже и с общественной, и с личной точки зрения тогда не очень привлекало; и отнюдь не потому лишь, что материальная нужда требовала тогда, чтобы не только муж, но и жена искали заработка. Сейчас что-то в этом отношении резко изменилось. Молодая женщина, выходя замуж — «за муж», уже и самое слово это вновь возродилось в своем буквальном смысле — легко растается с профессией, изучению которой она отдала несколько лет труда, и не то что примиряется, а охотно входит в роль жены инженера, жены директора, жены краскома и т. п., больше даже жены, чем домашней хозяйки. Этот последний термин в определенной среде употребляется все реже, да и работа по дому все чаще перекладывается здесь на плечи домработницы*). Все это признаки прогрессирующей послереволюционной консолидации верхнего слоя советского общества, значение которых далеко выходит за рамки темы о движении жен**).

Движение жен командиров промышленности началось из попыток нескольких более активных женщин вырваться из угнетающей обстановки домашней праздности. Когда Евгения Весник, жена начальника Криворожстроя, в прошлом оперная певица, воспользовавшись продолжительной заграничной командировкой мужа, изучила за-границей «зоотехнику» (у нас сейчас любят ученые слова: речь идет здесь о птицеводстве) и затем устроила на Криворожстрое образцовую общественную птицеферму, — никому, вероятно, еще и в голову не приходило, что отсюда пойдет движение жен командиров промышленности. В конце концов это случайность, началось ли движение у криворожской птицефермы, на донецких огородах или у уральских заводских цветников. Повидимому, мысль об использовании сил жен инженеров и техников для коллективной работы в области благоустройства местного быта смутно маячила в разных головах. Подхваченная и авторитетно одобренная наркомом, мысль об организации жен командного состава тяжелой промышленности получила быстрое распространение, и с начала осени прошлого года коллективы жен-активисток начали расти, как грибы.

Движение начало оформляться прежде всего, как движение по благоустройству быта самого командного состава промышленных предприятий: по благоустройству столовых для ИТР'ов, детских садов для итровских детей, по наведению порядка и по организации культурных развлечений в деловых клубах и т. п. Нога

*) В этой связи небезинтересно отметить следующий факт. Московский Совет занят сейчас выработкой нового типа квартир, «отвечающего растущим запросам трудящихся», «таких квартир, какие нужны социалистической Москве». Экспертный совет Моссовета «отобрал из сотен предложенных проектов восемь лучших». Все это квартиры в 2, 3, 4 и 5 комнат площадью от 12 до 24 кв. м. (средняя площадь комнаты около 20 кв. м.) с «небольшой комнатой — около 6 кв. м. (т. е. на 1/4 меньше стандартной тюремной одиночки, обычный размер которой 3 шага на 6. — С. Ш.) — для домработницы» («Известия ЦИК'а» от 9-го марта). Правда, в условиях крайней жилищной тесноты, в которых живет громадное большинство русских рабочих, отдельная комнатка в 6 кв. м. может показаться райским уголком. Но те же 6 кв. м. совсем иначе ощущаются — и резко подчеркивают социальную дистанцию — в «образцовой» квартире «социалистического трудящегося», который, кстати сказать, и не мыслит себе, видимо, своего существования без домработницы.

**) Заслуживает внимания, что в деревне в противоположность городу как раз в самые последние годы нередко особенно ярко сказывается стремление женщины изменить свое положение в семье и добиться гораздо большей самостоятельности. Это, может быть, один из симптомов того, что революция еще далеко не завершила в деревне своего поступательного развития.

эта до сих пор звучит очень сильно во всей работе «активисток». Не так давно в газетах сообщалось о «договоре соревнования», заключенном делегацией жен инженеров и техников Тагила с активистками Криворожстроя; «За Индустриализацию» (от 1-го февраля) восторженно характеризовала этот договор, как «договор дружбы и взаимной поддержки на почве создания образцовых бытовых и производственных условий для мужей, для детей, для себя». В первой половине января в Москве при Центральном Бюро ИТС союза транспортного машиностроения состоялось совещание жен инженеров и техников, участниц нового движения. «За Индустриализацию» воспользовалась этим случаем и проинтервьюировала участниц совещания; в их высказываниях очень резко доминировала мысль об устройстве своего быта, об обеспечении «культурного отдыха» инженеров и техников и т. п., а одна из делегаток поставила вопрос и совсем лично-семейно: «свою задачу я вижу в том, чтобы помочь мужу лучше работать, лучше отдохнуть, содействовать его культурному, политическому и техническому росту» («За Инд.» от 9-го января). Шире ставили вопрос другие делегатки; многие из них говорили об общественной работе. Но как?! «Конечную цель бурно разрастающегося сейчас движения жен командиров промышленности», говорила жена директора большого машиностроительного завода, «я вижу в освобождении их от домашнего труда, в приобщении их к производству и к общественной работе». — В этих высказываниях «общественная работа» это часто прежде всего средство выйти самим из скучного и узкого домашнего круга, какой-то особый вид культурных развлечений.

Но по мере роста движения тенденция к корпоративной замкнутости, к ограничению задач движения благоустройством быта инженерно-технических работников все более оттесняется на задний план. От благоустройства быта инженеров и техников группы жен переходят к благоустройству быта всего персонала предприятия: приводят в порядок рабочие общежития, налаживают работу рабочих столовых, ликвидируют неграмотность, стремятся поднять прежде всего культурный уровень жен рабочих и т. д., и т. д. Тут только начни, и благодарной работы непочатый угол. Но во всей этой работе есть глубокий внутренний порок.

Рабочие и их семьи выступают в роли объектов попечительной и благотворительной (в первоначальном и буквальном смысле слова) деятельности жен командного состава предприятий. Жены высших, средних и младших начальников уже в силу положения своих мужей оказываются призванными опекать и устраивать быт «товарищей рабочих». Производственная и служебная иерархия, складывающаяся и неизбежная внутри предприятий, проектируется вовне и становится основой социальной иерархии. И только логическим завершением этого развития является тот факт, что во главе групп активисток почти всюду стоят жены директоров заводов: Гвахария, Манаенкова, Весник, Шабашвили и т. д., и т. д. Кто знает фамилии директоров заводов, может почти безошибочно назвать председателей групп и советов активисток. — Нетрудно догадаться, какие двойственные чувства вызывает эта благотворительная деятельность в рабочей среде. Особенно, когда увлеченные своей новой миссией «активистки» до такой степени утрачивают чувство элементарного такта, что, как об этом недавно сообщала «За Индустриализацию» (от 3-го апреля), начинают ходить по цехам и агитировать среди работниц в пользу участия их — не «активисток», конечно, а работниц — в стахановском движе-

нии. Хочется надеяться, что это все-же лишь редкое исключение.

Сами участницы движения жен, повидимому, нередко смутно сознают, что в попечительной опеке рабочих и их семей женами начальников есть что-то нездоровое. И во многих местах уже можно отметить попытки женского «актива» выйти за рамки командного слоя. На ряде предприятий к работе жен инженеров, техников и хозяйственников привлекаются жены стахановцев, а кое-где и жены рабочих не-стахановцев. Описывая работу возглавляемой Евгением Весник организацией, корреспондент «Труда» сообщает, что «сейчас на Кирово-жестрое большую общественную, культурную работу ведут около 400 человек, из них 100 человек — жены стахановцев и рабочих» («Труд» от 8-го февраля). Но «актив» попрежнему именуется «активом жен инженеров и техников», и положение жен рабочих в этой организации какое-то особое. С Кировского завода в

Макеевке В. Гвахария сообщает, что жены стахановцев начинают играть активную роль в организации, выступая «нашими ближайшими помощницами» («За Инд.» от 9-го апреля). Почему, однако, только помощницами? На этот вопрос никто из руководящих движения не сможет дать убедительного ответа. А между тем это основной вопрос для всего движения: останется ли оно движением «жен командиров», «жен инженеров и техников» и т. п., углубляющим процесс социального обособления командного состава промышленных предприятий, или оно станет движением женщин рабочих заводов (по удачному названию, употребляемому на Верхне-Исетском заводе; см. «За Инд.» от 4-го апреля), все шире захватывающим в качестве активных и равноправных участниц жен рабочих-домашних хозяйств и построенным не по образцу заводской иерархии, а на началах подлинного демократизма?

С. Шварц

ЛИТЕРАТУРА и ЖИЗНЬ

КРИЗИС КРЕСТЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Сложное, беспокойное, а порою и щемящее чувство охватывает всякого, кто пытается осмыслить впечатления от произведений последних лет, изображающих колхозную деревню. Официальная публицистика надрыгается, расхваливая «зажиточную и веселую жизнь», будто бы наступившую уже в деревне. Отдельные наблюдатели советской жизни со своей стороны свидетельствуют о том, что жизнь в деревне действительно начинает налаживаться. Произведения же, посвященные деревне, всей системой своих образов лишь усиливают настороженную раздумчивость читателя.

Появление в 1932 году романа Шолохова «Поднятая целина» как будто говорило о начинающемся новом расцвете художественной литературы о крестьянстве. Между тем истекшие с того времени 4 года показали, что после кратковременного оживления крестьянской темы она вновь захирела. Не означает ли это, что огромный крестьянский континент внутри страны продолжает пребывать еще в полосу полярной ночи? В то время, как в области общей тематики, особенно на темы о жизни и настроениях городской части общества, наблюдается приток новых писательских имен, сильно поредевшие за годы генеральной линии ряды крестьянских писателей остаются незаполненными, и повидимому, в канси крестьянских писателей на ближайшее время попрежнему будут пустовать.

В прошлом году в газетах часто печатались отчеты об опросе крестьянской молодежи «Чем ты хочешь стать?» Подавляющее большинство ответов гласило: «хочу стать агрономом, комбайнером, техником, летчиком, врачом» и т. д. Но характерно, что никогда в этих ответах не выскazyвало желаний стать писателем. Труд писателя в Советском Союзе — труд почетный, квалифицированный и относительно легкий. А между тем он никого из учащейся крестьянской молодежи не соблазнил. И это не неожиданность: потребность в художественных образах отразить думы, настроения и интересы своего класса возникает тогда, когда налицо имеется под'ем социального самочувствия данного класса, когда силы данного класса как бы «играют». В реально существующей колхозной деревне общи настроения еще очень далеки от такого под'ема. В период спада кружки, группы и объединения молодых крестьянских писателей возникали почти спонтанно. Сейчас о таких объединениях совсем неслышно. Это тем

более удивительно, что процент крестьянской интеллигенции в общем потоке советской интеллигенции очень велик.

Всуде искать в официальной публицистике ответы на эти вопросы. Весь круг проблем крестьянской жизни интересует официальную публицистику лишь постольку, поскольку колхозы хозяйственно укрепляются. Не волнует нашу критику и обилие вакантных мест в крестьянской литературе — баба с возу, лошади летят: беспокойный ведь был человек крестьянский писатель! По поводу отсутствия смены у крестьянских писателей критика, кроме того, имеет и вполне успокаивающую концепцию, согласно которой в Сов. Союзе осуществляется «бесклассовое общество» и уничтожены «классовые противоречия между городом и деревней». Раз уничтожены эти противоречия, тем самым естественно упраздняется и проблема крестьянской литературы! Этой благополучной официальной доктрине хочется противопоставить снимок с природы. Вот в коридоре сибирского скорого поезда, мчащегося в Москву, трели на него, — в розовой ситцевой рубашке и мужских штанах — проходившие мимо матоволицые, крахмальном белье, независимо-презрительно вдыхающие дым сигарет» (Н. Зарудин «В народном лесу»). Таких случайных зарисовок очень много в произведениях последних лет. И они говорят не об исчезновении у нас социальных противоречий, а, наоборот, о складывающейся полярности двух миров.

Еще знаменательнее, однако, не эти моментальные случайные снимки с природы, а сама тематика немногих близких к крестьянству писателей и оценка ее со стороны советской общественности. Отчасти потому, что новой смены у крестьянских писателей нет, а социальные связи в революционные эпохи обрываются все быстрее, чем в «органические» периоды развития, отчасти же потому, что процесс осмысления грандиозного переворота, совершившегося в деревне в оболочке

генеральной линии, еще далеко не закончен, — но в основном писатели мало изображают новую колхозную деревню и зажиточную жизнь, все их внимание попрежнему сосредоточено на деревне в трагический момент ее жизни — в эпоху коллективизаторской «бури и натиска». Но в изображении этой эпохи уже звучат нередко новые ноты. И новые произведения несвободны, конечно, от коммунистических схем; характерна, однако, все усиливающаяся примесь трагического, которым овеяна фигура крепкого крестьянина, непримиряющегося с коллективизацией. В первых произведениях о коллективизации кулаки сплошь изображались какими-то изуверами, людьми в своей ненависти к власти теряющими последние остатки человеческого подобия. По мере того, как сопротивление крестьянства слабело и колхозы укреплялись, в произведениях стали появляться разговаривающие кулаки (их особенно хорошо показал Паиферов). «Колхозный ум» этих кулаков притягивает к себе писателей, борясь со страхом попасть в «подкулачники», они все же приводят много образчиков этих разговоров.

Таков образ крестьянина Агапова, сбежавшего от коллективизации на Алтай (Зарубин «Горы»). Он открыто выражает свое разочарование большевиками и говорит коммунисту Безуглому: «Ваня, чего вы России ноги путаете? 160 миллионов ведь со сложными руками сидят». Агапов хотел бы, чтобы Безуглый вышел когда-нибудь на трибуну партийного съезда и с трибуны сказал: «довольно, мол, нам, товарищи, с крестьянином в кошки-мышки играть, пора позволить ему запустить в землю корни». В «Солнечном городе» В. Идельчикова выведен «умственный кулак» Евстигней, талантливый, умный человек, изобретатель, готовый работать с утра до ночи, только бы ему отвели земли и дали свободно хозяйничать. В упомянутой уже повести Зарубина «В народном лесу» уход непримирившегося с новыми порядками и вытесненного из деревни крестьянина Любанова описан с глубоким лиризмом: «Был он в дорожном, с котомкой, в аккуратных онучах и лаптях... Медленно шел Любанов к лугам, лицо его дергалось. Встал, оглянулся — родное, мажигое, невозвратное! и окончательно, не горбясь, не сдавшись, пошел в темноте лесов»...

Во весь рост образ трагического кулака обрисован в новом романе молодого писателя Н. Вирты «Одиночество». Формально действие романа перенесено в период борьбы с Антоновским движением в центральной России. Но «историчность» произведения очень условна. Центральной фигурой романа является кулак Сторожев, который хотя и связан с Антоновым, но его презирает и мечтает и от него освободиться, когда повстанцы справятся с большевиками. С большей внутренней силой изображает писатель тот этап жизни Сторожева, когда после поворота правительств к нему шансы новых восстаний против советской власти все убывают. Оторванный от семьи, Сторожев превращается в одинокого лесного зверя. Тоска по работе, по семье, по людям заставляет его бродить украдкой вокруг чужих полей: «одежда его порвалась, глаза ввалились, черная с проседью борода обросла вокруг медного лица, нелепо висело оружие».

Роман Вирты вызвал очень оживленную дискуссию в среде советской общественности. Главную удачу романа большинство критиков видят в «яркости» образа классового врага». В связи с этим один из критиков вспомнил, что на просмотре фильма «Чапаев» видный участник гражданской войны особенно похвалил фильм за правдивое изображение белогвардейцев». Раньше, признался он, просматривая фильмы из гражданской войны, где враги сплошь изображались какими-то юродивыми и трусами, он часто думал: «А стоило ли меня

наградить орденом за то, что я побил глупых и трусливых врагов?» «Умалить силу классового врага — наставительно пишет критик от себя — это значит умалить значение победы над ним и силу победителя». Но до недавнего времени критика беспощадно обрушивалась на каждого писателя, дерзавшего правдиво изображать «классового врага». Поэтому этот отзыв свидетельствует, конечно, в первую голову об упрочении нового порядка. Но одно дело правдоподобие образа и другое — эмоциональное звучание его. Фигура «кулака» до сих пор занимает в этих произведениях значительное место, а это говорит о том, что тема крепкого крестьянина не утратила своей значимости в сознании людей, близко наблюдающих колхозное крестьянство.

Наряду с «кулаком» видное место в новейших произведениях о крестьянстве занимает женщина. При несомненно очень активном участии женской молодежи в колхозной жизни, внимание писателей к колхозной ударнице естественно. Но вот любопытная деталь: произведения, посвященные девушке-активистке, кончаются обыкновенно на самом интересном месте, когда девушка-ударница за свою выдающуюся работу выдвигается на учебу и уезжает на курсы. Возвращается-ли она в деревню? Какое место занимает в ней после учебы — об этом писатели пишут мало. А между тем другие писатели, люди городские — в последнее время все чаще начинают останавливаться на новой теме неудачно сложившейся личной жизни девушки из деревни. Попав в город, она выходит замуж за горожанина, иногда за инженера, врача или партийца. Выбор спутника жизни определяется тем, что этих «деревенских девушек» прельщает «облик горожанина». Деревенской девушке Тане (Л. Овалов «Утро начинается в Москве») нравилось, что инженер Полонский «хорошо одет, умеет говорить, много зарабатывает». Приблизительно те же мотивы заставляют выйти замуж за врача Валюшу из одноименной повести Ю. Германа. Личная жизнь этих одаренных и цельных девушек складывается почти всегда грустно. Но опять-таки и эти произведения обрываются на самом интересном месте: осознана глубокая разница в мироощущении, происходит разрыв, но дальше неопределенных намеков на новые встречи с бывшими друзьями деревенской юности — дело пока не движется. Женский крестьянский роман имеет несомненно будущее в художественной литературе, но пока в этой области одни обещания.

Кризис крестьянской литературы может быть не бросался бы так заметно в глаза, если бы не наличие большого количества литературной халтуры о колхозной зажиточной жизни и торжестве в ней нового общественного сознания, которая накопилась за последнее время. Природа не любит пустоты, и так как основная группа крестьянских писателей мало пишет о сегодняшней колхозной деревне, а интерес именно к сегодняшней колхозной деревне ощущается в современном обществе, ряд писателей и полуписателей, с деревней ничего общего не имеющих, решили заняться «колхозной тематикой». Сравнительно долго они чувствовали себя имяниками. И только сейчас, видимо, близится конец их благополучию.

В шумной кампании «Правды» против формализма есть одна политически интересная черта: едва ли случайно разоблачительные буллы ее направлены главным образом против крестьянской халтуры этих колхозных гастролеров и дачников. Только недавно «Правда» решила, что в либретто к балету «Светлый ручей» есть только «соскочившие с дореволюционной кондитерской ко-

робки сусальные пейзаже». Не лучше и многие крестьянские фильмы. Многозначительный совет оставить «в покое мужика» дала «Правда» небезизвестному поэту Светлову за его «лирическую» халтуру «Глубокая провинция», которая удостоилась было такой лестной оценки советской критики. Зло, но верно «Правда» заметила, что для того, чтобы окаррикатурить колхозы, вовсе не надо мазать колхозные ворота дегтем, их можно вымазать и «розовым вареньем». Все по той же линии даны ею и суровые оценки пьесе Санникова «Правила равенства», пьесе «из колхозной жизни» Чижевского — «Честь» и т. д., и т. д. В высокой степени знаменательно, однако, что несмотря на то, что все критики и редакторы признают выступления «Правды» и «своевременными», и «глубокими», и «верными» — возы с колхозной халтурой продолжают поступать в редакцию и... печататься. А в то же время те же редакции возвращают «для переработки» рукопи-

си немногих, близких к крестьянству писателей. Достаточно сказать, что этой зимою возвращена была Шолохову «для переработки» рукопись второй книги «Поднятая целина».

Но ведь колхозная халтура существует не первый год; до сих пор советская критика ее захваливала и «Правда» отнюдь не вносила диссонанса в этот мало привлекательный хор. Почему же вдруг сейчас решено так энергично одернуть распоясавшихся жен хов многострадальной колхозной Пенелопы? Не означает ли это, что хозяйственно крепнущее колхозное крестьянство всем своим пока молчаливым социальным весом начинает давить на диктатуру, что в нем пробуждается потребность иного, действительного отражения его жизни в художественной литературе, что поэтому, может быть, и кризис крестьянской литературы приближается к своему поворотному пункту?

В. Александрова.

ПАРТИННАЯ ТРИБУНА

БОРЬБА ЗА ЕДИНСТВО РАБОЧЕГО КЛАССА.

Осуществление пролетарского единства — центральная проблема пролетарской тактики сегодняшнего дня, от правильного разрешения которой зависит судьба всего международного рабочего движения, всего рабочего класса. Только при объединении всей революционной энергии рабочего класса, только при создании единого пролетарского фронта борьбы возможна окончательная победа рабочего класса, спасающая его от ужасов фашизма и мировой военной катастрофы*).

Тот сверхактуальный характер, который приобретает сейчас проблема единства — актуальной она была всегда — требует от нас того, чтобы не топить ее в общих отвлеченных рассуждениях. Вопрос должен быть поставлен во всей практической заостренности: в чем заключаются в настоящее время конкретные препятствия к осуществлению единства и какими методами возможно эти препятствия устранить.

В дискуссионной статье «Об единстве пролетариата» в № 9 «С. В.», 1934 г., анализируя — кроме объективных условий, породивших и поддерживавших раскол — те препятствия к объединению, которые заложены в специфических особенностях обеих партий, я доказывала, что реформистская политика многих социалистических партий являлась не меньшим препятствием к осуществлению единства, чем раскольничья политика коммунистов. Указав на наметившийся уже тогда известный перелом в политике обеих партий, я вынуждена была констатировать, что реформизм оказывается еще менее способным отказаться от своих ошибок, чем коммунизм.

За два года объективные условия, побуждающие рабочий класс к смыканию воедино боевого фронта, приобретают все большую принудительность. Тем не менее только отдельные социалистические партии показали свою способность стать активными поборниками единства, между тем как социалистические партии, определяющие сейчас политику Интернационала и Социалистический Интернационал, как центральная организация, систематически противятся всем объединительным попыткам.

В течение 1934 и 1935 годов все неоднократные обращения Коминтерна в РСИ с предложениями о тех или иных совместных выступлениях, о демонстрациях пролетарского единства наталкиваются на решительный отказ. Такая же судьба постигает инициативу группы социалистических пар-

тий (австрийская, русская, итальянская, французская, польский Бунд, испанская), стремящихся внутри РСИ возвестить о своем единстве и побудить его изменить свою тактику.

Весной 1934 г. ЦК нелегальной с.-д. партии в Австрии обращается в РСИ с горячей просьбой об осуществлении пролетарского единства, реальной базой для которого является та общая борьба против фашизма, которую ведут в различных странах коммунисты и социалисты. Заявляя себя инициаторами «той страстной жажды пролетариата к единству, которая охватывает рабочие массы», австрийские социалисты просили, «как минимум», предложения РСИ Коминтерну о пакте о ненападении — хотя бы в странах фашизма. На эту просьбу Адлер от имени РСИ ответил отказом, аргументируя тем, что «в силу своей тактики» коммунисты не могут честно соблюдать пакта о ненападении, и что «проблема требует не минимального, а максимального решения».

В июле 1934 г. коммунистические партии различных стран обратились к социалистическим партиям с призывом о совместных выступлениях для борьбы против фашизма и войны и против ухудшения материального положения рабочего класса, а также с предложением о заключении «пакта о ненападении». Социалистические партии Франции и Италии заключают с компартиями своих стран пакты «единства действия». Но англ. раб. партия и принадлежаче к ней организации ответили отказом, заявляя, что не видят никаких оснований для пересмотра своего отрицательного отношения к подобному рода предложениям. Ответили решительным отказом и голландская, и чехословацкая партии. Наиболее отчетливо формулировала мотивы своего отказа шведская партия в «Социалдемократе»: «Единство, — писала она, — хотя бы по отношению к ограниченной цели, предполагает единство во всем, в вопросе о средствах и путях. Этого единства нет. Между революционной линией коммунизма и мирными путями социалдемократии зияет пропасть. Реформизм стремится осуществить разумный и справедливый строй в рамках демократии, между тем как коммунизм хочет насильственно разрушить капитализм и водрузить пролетарскую диктатуру. Можно ли объединяться в таких условиях?».

В октябре 1934 г. во время революционного восстания в Испании представители Коминтерна обратились в РСИ с предложением о проведении совместной кампании митингов и собраний для поддержки восставшего пролетариата организации общественного мнения против свирепствующего террора. РСИ ответил отказом, аргументируя тем, что социалисты ведут свою самостоятельную кампанию, что с другой стороны, восстание уже заканчивается — хотя сотрудничество в Астурии длилось после этого еще весьма долго и этот акт международной солидарности объединенного пролетариата мог влить новые силы в ряды героических борцов.

В ноябре 1934 года РСИ обсуждает вновь предложение Коминтерна. РСИ отклоняет требование левых партий Интернационала о возобновлении сделанного в 1933 г. РСИ Коминтерну предложения об организации единства действия и соглашается лишь предоставить своим членам право свободного заключения сепаратных соглашений.

В июле 1935 г. VII-ой Конгресс Коминтерна подводи-

*) Говоря о единстве рабочего класса, я беру это понятие ограниченно. На нынешней стадии взаимоотношения двух ветвей рабочего движения речь может идти не об органическом единстве, не о немедленном создании единых партий, а пока лишь о единстве пролетарского действия, о едином пролетарском фронте. Следует с большой осторожностью относиться к тому «максимализму», который выдвиганием сейчас вопроса об органическом единстве — с ссылкой при этом на трудности французского опыта — ставит палки в колеса самым минимальным попыткам объединения пролетариата.

идеологический фундамент под проводившуюся за последний год коммунист. партиями тактику: соглашение с социалистическими партиями в капиталистических странах и курс на «единство действий» окончательно закрепляется.

На августовском Исполкоме 1935 г. в Брюсселе французская социалистическая партия предлагает установить сношения между РСИ и Коминтерном для организации совместных выступлений против войны и фашизма и защиты демократических свобод. РСИ передает вопрос в комиссию, которой поручается изучить решения VII конгресса Коминтерна. На Исполкоме РСИ в октябре в Брюсселе вопрос о единстве действия снова ставится в связи с предложением Коминтерна об организации совместной встречи с РСИ. Пять партий (Англия, Дания, Швеция, Чехословакия, Голландия) заявляют, что они относятся отрицательно «как к совместным выступлениям с коммунистами в своих странах, так и ко всяким совместным действиям обоих Интернационалов. И РСИ выносит постановление: «В виду того, что Исполком должен считаться с мнением указанных больших партий рабочего класса, он не в состоянии принять приглашения Комм. Интернационала». По поручению РСИ Де Брукэр и Адлер в частном порядке встречаются с Кашеном и Торрезом, как представителями Коминтерна. На заседании Исполкома в марте тек. года вопрос о единстве вновь откладывается.

Как ни стараются левые партии РСИ, понимающие его огромное значение преодоления раскола внутри рабочего класса, воздействовать на РСИ, побудить его сдвинуться со своей непримиримой позиции, все их усилия не дают пока никаких результатов. До самого последнего времени РСИ не соглашается на организацию совместных выступлений пролетариата для борьбы против фашизма и войны.

Тогда как майское воззвание Коминтерна заострено на вопросе о единстве действия пролетариата, майское воззвание РСИ обходит его совершенным молчанием. И это тем более поражает, что все те проблемы жгучей актуальности, которых воззвание РСИ касается, в проблему пролетарского единства непосредственно упираются. Посылая привет «героическим нелегальным борцам» против войны и диктатуры, которые своей борьбой расшатывают фашизм, РСИ не может не знать, что эти нелегальные борцы, несущие неисчислимые жертвы в Германии, Австрии и Италии, для успешности своей борьбы ведут ее единым фронтом коммунистов и социалистов. РСИ не может не знать, что рабочие Испании, которых он приветствует за то, что они сокрушили клерико-фашизм и завоевали свободу, добились этих результатов только благодаря объединению пролетарских сил, в совместной борьбе коммунистов и социалистов.

Все более множатся свидетельства того, каким мощным оружием в руках пролетариата является его единство. И что особенно важно. Единство пролетарского фронта показало свою динамическую действительную силу не только в борьбе против победившего фашизма, но оказалось могущественным и специфическим средством для предотвращения фашизма.

Во Франции в течение последних двух лет на опыте проверяется правильность новой тактики единства.

Накануне создания единого пролетарского фронта Франция стояла под знаком все растущей социально-политической реакции, под угрозой все укрепляющегося фашизма. Немало социалистов считало тогда победу фашизма совершенно неизбежной, и не случайно, что именно эти фаталисты и были наиболее яркими противниками единого фронта. Если все же удалось остановить наступление фашизма и вырвать из-под него массовую базу, то только благодаря политике единства рабочего класса. Та блестящая победа, которую одержали сейчас обе рабочие партии на выборах, явилась результатом торжества идеи единства рабочего класса, единства его классовых организаций.

Мы встречаемся сейчас нередко с утверждениями, что замедление в осуществлении органического единства во Франции является свидетельством неудачи политики единства вообще. С другой стороны, указывается на то, что на место «единого фронта» стал «Народный фронт», что за последнее время коммунисты не заинтересованы якобы более в существовании пролетарского единства, поскольку ими поставлена ставка на «Народный фронт». Эта постановка вопроса показывает недостаточное понимание существа происходящих во Франции процессов. Несомненно, что создание единой партии не может осуществиться с той быстротой, как создание «единого фронта». Но как не оценить всей важности того, что эта проблема вообще поставлена на разрешение! С другой стороны нельзя ставить знака равенства между «единым фронтом» пролетариата и «Народным фронтом». Необходимо понять, что вопрос о соотношении между единым пролетарским фронтом и «Народным фронтом» — это вопрос о соотношении между рабочим классом и промежуточными мелкобуржуазными слоями. И в этой области, — хотя можно и не соглашаться целиком и пол-

ностью с политикой французских рабочих партий в этом вопросе, — нужно признать, что опыт, проделанный во Франции, имеет всемирно-историческое значение. Развитие во Франции показало со всей возможной отчетливостью, что пролетариат может привлечь на свою сторону промежуточные слои не путем отказа от своих классовых задач, а только решительной самостоятельной классовой политикой на базе пролетарского единства.

Накануне осуществления политики единого фронта во Франции в мелкобуржуазных кругах уже довольно широко обозначились фашистские настроения, и политическое представительство мелкобуржуазных слоев — радикалы и радикал-социалисты — совершенно отчетливо сдвинулись направо, поддерживая реакционное правительство в его анти-рабочих мероприятиях. Франция была в этот момент в начале того этапа, который в конечном счете привел Германию к победе национал-социализма. И если развитие во Франции не пошло по этому пути, то только из-за осуществления единства рабочего класса. Объединение пролетариата на почве его классовых требований, решительная защита единым фронтом своих позиций против натиска реакции переместили равнодействующую борющихся в стране сил, показали огромный социально-политический вес пролетариата. И промежуточные слои, оторвавшись от своих правых союзников, повернулись лицом к пролетарскому блоку, который стал гегемоном в борьбе трудящихся масс против промышленных и аграрных магнатов, против финансовой олигархии. Увлекаемые пролетарской стихией, непролетарские партии Народного Фронта, пытавшиеся ранее ограничить свою сферу соглашения политической областью, приняли затем программу Народного Фронта с рядом важных требований экономического и социального порядка. Это, конечно, не значит, — и подобные иллюзии вредно себе создавать, — что пролетариат может твердо рассчитывать на поддержку этих промежуточных слоев и особенно их партий. Пока еще это союзники колеблющиеся, далеко ненадежные. Но политика, которую проводят французские рабочие партии в связи с организацией Народного Фронта, все более открывает глаза за широким мелкобуржуазным массам города и деревни на то, что только рабочий класс может быть и является действительным представителем и защитником их интересов. Освобождаясь все более из-под влияния радикалов, ориентируясь налево, эти массы расширяют и укрепляют ту базу, на которую опирается объединенный рабочий фронт.

Но этот успех обеспечивается только тогда, если рабочий класс классово боеспособен. Поэтому такое огромное значение имеет увенчавшее тактику единого фронта объединение французских профсоюзов. Не столь страшна распыленность организации Народного Фронта, если рядом происходит процесс укрепления классовых позиций пролетариата путем слияния профсоюзов. Стремительный рост профсоюзов после их объединения, невозможность для предпринимателей использовать в своих целях братоубийственную войну внутри пролетариата, настолько укрепили позиции рабочего класса, что достаточно было — как в угольной промышленности — угрозы всеобщей забастовкой, чтобы угольные бароны пошли на ряд важных для углекопов уступок. То, что объединенные профсоюзы сейчас по всей стране не сдерживают, а организуют забастовочное движение, что пролетариат переходит по всей линии в наступление, является гарантией того, что рабочий класс не пойдет на поводу, а, наоборот, поведет за собой мелкобуржуазные слои.

Конечно, создавшаяся сейчас во Франции ситуация чрезвычайно сложна и требует большой мудрости со стороны рабочих партий. Но опыт двух лет показал что пролетариат может не опасаться поражения, если только ему удастся сохранить непоколебленными позиции пролетарского единства.

Опыт различных стран, где проводится тактика единства, показывает со всей ясностью, что нет никаких, как называемых, объективных причин, которые бы ставили какие-либо непреодолимые преграды к осуществлению единства. Этот опыт не вскрыл нигде противоречий между тактикой единства и интересами рабочего класса, а, наоборот, засвидетельствовал, что эта тактика ведет к росту и укреплению пролетарских сил. И если мы вновь поставим вопрос о том, что же является в настоящее время препятствием к осуществлению единства пролетариата в международном масштабе, то ответ может быть дан лишь один: этим препятствием является реформистская установка ряда входящих в РСИ партий, определяющих его политику. Национально ограниченная, осужденная всем ходом исторического развития политика реформизма генерализуется Соц. Интернационалом, и ею определяются самые жизненные для пролетариата проблемы. Эта политика, приведшая уже рабочий класс к победе фашизма, угрожает ему неизбежно новой катастрофой.

Левые социалистические партии понимают всю опасность положения, но до сих пор все их попытки добиться изменения этой политики, оставаясь лишь в рамках РСИ, терпели полную неудачу. Задача, которая стоит сейчас перед левыми партиями, заключается в том, чтобы взять на себя инициативу осуществления единства, не останавливаясь перед теми организационными последствиями которые отсюда могут возникнуть.

То, что парализовало и парализует до сих пор даже искренних сторонников единства среди социалистических партий в их активности в этом вопросе, это опасение, что решительное отстаивание необходимости осуществления единого фронта с Коминтерном, должно привести к расколу в Интернационале, к разрыву с английской рабочей партией. Для партий, стоящих на реформистских позициях, совершенно естественно держать курс на единство с Английской Рабочей Партией во что бы ни стало. Но для тех, кто выдвинул лозунг — или фашизм, или социализм — для тех, кто понимает задачи современного рабочего движения, как необходимость мобилизации революционных сил рабочего класса для борьбы с фашизмом, для осуществления социальной революции, искать союзников приходится, очевидно, не в реформистских партиях, а в тех революционных массах, которые стоят за коммунистическими партиями и Коминтерном.

Постановка вопроса левых партий, защищающая необходимость сохранения организационного единства внутри РСИ, имела бы известный смысл тогда, если бы удалось доказать, что внутри Интернационала происходят определенные сдвиги, что левым партиям удастся — хотя бы медленно — добиваться изменения его политики в желательном направлении. В действительности же этого нет. В то время как Коминтерн резко изменил свою политику, РСИ не сдает ни пяди своей против единства направленной позиции. Положение осложняется еще и тем, что не приходится ставить ставку на победу партий, стоящих на позиции единства, так как при соотношении сил в РСИ политический удельный вес левых партий котируется весьма низко, тогда как английская рабочая партия диктует РСИ свою волю.

Всякий, кто считает, что нельзя предпринимать тех или иных шагов для объединения с Коминтерном из-за опасения оттолкнуть английскую Рабочую Партию, морально-политически обязан доказать рабочему классу, что этот союз с Английской Рабочей Партией и др. реформистскими партиями способствует мобилизации революционных сил пролетариата и уменьшает опасность войны. Я думаю, что вряд ли найдется кто-либо из левых социалистов, кто станет это утверждать. В действительности, политика этих партий ориентируется только на соглашение между буржуазными правительствами, на решения Лиги Наций, ведет к распылению сил рабочего класса, срывает возможность всякой активной борьбы против войны, построенной на классово-самостоятельном выступлении пролетариата. В то же время при той политике национальной ограниченности, которая характерна для реформистских партий, можно ли сомневаться в том, что в случае войны они не остановятся перед тем, чтобы порвать свою связь с Интернационалом, если это покажется им соответствующим их особым интересам. Нельзя создавать себе иллюзий, что партии, ведущие национальную политику, смогут занять правильную позицию тогда, когда придется держать высоко знамя интернационализма.

Конечно, в международной своей акции революционный пролетариат должен стремиться к тому, чтобы иметь на своей стороне и английские рабочие массы, но он должен пытаться привлечь их на свою сторону активной классовой борьбой. Английская Рабочая Партия, несомненно, отражает настроение определенной части рабочего класса, но далеко не всего. Если на конгрессах делегатами принимаются предложения сверху резолюции против единства, это отнюдь не свидетельствует о том, что таково действительное настроение всего пролетариата. Французская ВКТ в продолжение долгого времени свое сопротивление осуществлению единства прикрывала также ширмой решений различных конференций и конгрессов, пока тяга к единству рабочего класса с такой бурной силой прорвалась наружу, что ВКТ пришлось подчиниться этой воле масс. В действительности, если поставить английский или шведский пролетариат перед фактом, что угроза раскола вызывается проблемой единства, то можно с достаточным основанием рассчитывать, что левым партиям удастся добиться перемены настроения масс и в Англии.

Все более сокращаются отведенные историей сроки для мобилизации революционных кадров на борьбу против фашизма и против войны. Если левые партии Интернационала не хотят нести ответственности за разгром рабочего движения, за миллионы рабочих жизней, осужденных на

гибель, они не могут более оттягивать своих решений. Продолжая борьбу внутри РСИ за свои взгляды, они одновременно должны приступить к организации международного объединения всех революционных сил рабочего класса, как социалистических, так и коммунистических. Они должны без промедления обратиться к Коминтерну с предложением организации совместной кампании против войны и фашизма.

Ряд сложных, серьезных проблем встанет в связи с этим перед рабочим классом и его партиями. Немало трудностей придется при этом преодолевать. Но можно быть уверенными, что в конечном счете политика единства себя оправдывает, что, способствуя максимальному развязыванию революционной энергии масс и укреплению самостоятельности классовых позиций пролетариата, она приведет пролетариат к победе в его борьбе против фашизма и войны.

Говоря об интернациональной политике единого пролетарского фронта, я сознательно элиминировала русскую проблему. Для тех, кто в успехах политики единства видит спасение международного пролетариата от угрожающей ему катастрофы, не может быть речи о том, чтобы выдвигать того или иного вопроса, — как бы важен он ни был, — осуществление этого единства задержать. Но сверх того я считаю, что разрешение вопроса о социалистической партии России непосредственно связано с разрешением основных проблем рабочего движения на Западе. Борьба за международное единство, добиваясь его осуществления, мы тем самым ускоряем разрешение и русской проблемы.

О. Доманевская.

ЗАГРАНИЦЕЙ

ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛДЕМОКРАТИЯ В ПОДПОЛЬЕ.

Австрийская социалдемократическая печать усиленно обсуждает в последние месяцы организационные вопросы нелегального социалистического движения. В рамках этой дискуссии в «Кампф» была недавно напечатана статья С. А. Гауэра, одного из работников левого крыла германской социалдемократии. В статье этой автор знакомит австрийских товарищей с опытом нелегальной работы германских социалистов, представляющим немалый интерес и для наших читателей.

Причины, обуславливающие разницу в развитии нелегальной организации социалдемократии в Австрии и Германии, частью коренятся в разнице самого отправного момента антифашистской борьбы, частью объясняются разницей в характере и объеме власти фашизма в этих обеих странах. Нельзя ни на минуту забыть, что нелегальное движение в Австрии могло тотчас же после поражения Венского восстания непосредственно прислониться к самым активным формам революционной борьбы австрийских рабочих в феврале 1934 г. — тем самым связаться и с легальным прошлым австрийской социалдемократии. В Германии приход Гитлера к власти произошел в обстановке капитализации пролетариата. В одном случае мы имеем перед собой сплоченный в борьбе пролетарский авангард и возможность революционной преемственности, в другом — разгром рабочего класса в обстановке удручающей пассивности, организационный разгром, сопровождающийся и морально-политическим поражением. Вот почему в Германии между концом легального периода социалдемократии и новым пробуждением нелегального движения делится период пустоты.

Не меньшее значение имеет и то обстоятельство, что немецкий фашизм еще до своего прихода к власти сумел приобрести опору в массовом движении внутри страны. Он участвовал в парламентской борьбе до 1933 года, принимая участие в выборах в фабрично-заводские комитеты, самозабывшим образом используя социальную демагогию, имел своих сторонников в массах и даже участвовал в массовой стачке Берлинских транспортников. Клерикальный фашизм в Австрии пришел к власти при помощи государственного переворота, ничего не изменив во внутри-политическом весьма неустойчивом, положении страны. Он господствует против всего народа и поэтому его методы управления отличаются от методов немецких фашистов, хотя и он был бы не прочь следовать образцам немецкого национал-социализма.

Период пустоты, период паралича всего движения длился в Германии до осени 1933 года. Особо тяжелыми моментами этот и без того глубоко трагический период были те периоды, которые были распространены среди руководителей, особенно, профессионального движения. Участие в Гитлеровском праздновании 1-го мая лишней раз обнаружило недо-

оценку тотальности фашизма со стороны руководителей рабочего движения. 2-ое мая, день когда одним ударом было разрушено германское независимое профессиональное движение, положил конец всем иллюзиям. Гонимые от одного разочарования к другому, рабочие массы пережили полосу глубокой депрессии, ощущение своей беззащитности, одиночества и сомнение в силах своего класса. Все это породило потребность в передышке, чтобы осмотреться, бесстрашно взглянуть в происходящее, почерпнуть новую веру в себя и свой класс.

В эти первые месяцы фашистской победы рабочие, привыкшие к политической активности, должны были уйти в себя, стиснуть зубы. В эти месяцы унижения, разгула террора социалистическая научная социализма стала для многих из них живым источником, откуда черпали они силы, чтобы жить. Дискуссия о причинах поражения, анализ современного положения, путь и цели нового революционно-освободительного движения — таково было содержание идейной жизни первых нелегальных кружков социалдемократии. Партии, как организационного целого, больше не существовало, но связь между социалдемократическими единомышленниками продолжала жить. Эта связь жила в маленьких дискуссионных кружках, которые скоро нашли однако и пути к политической эмиграции. Характерно, что участники этих первых дискуссионных кружков, которым принадлежит честь революционного почина, были в большинстве своем не старые партийные функционеры, а политически еще мало известная, активная молодежь. Для этой первой стадии характерна поэтому политическая пестрота, **многочисленность** кружков. Кружки эти, однако, недолго занимались только политическими беседами. Рабочая молодежь, рейхсбаннеры, представители бывших рабочих спортивных кружков, отколовшиеся еще прежде от социалдемократии группы, правые и левые, — все они к концу 1933 года имели по всей стране уже первые нелегальные **кадры**, которые наряду со службой связи и информацией занялись выработкой своих политических платформ. Для понимания разницы между подпольной организацией в Германии и Австрии следует помнить, что прежняя легальная социалдемократия Австрии **продолжает жить** в Революционных Социалистах Австрии. В Германии связь кружков и групп с Пражским центром прежней социалдемократии и формально, и организационно-политически гораздо слабее. Пражский центр оказывает определяющее влияние только на часть рабочих социалдемократов. Идеологически многие группы живут своей собственной жизнью, но в нелегальной службе связи создалась очень далеко идущая **личная уния** этих групп с аппаратом Пражского центра.

Такое положение дел длилось до середины 1934 года, когда германский фашизм вступил в свой первый кризис, закончившийся массовой расправой 30-го июня. Самой характерной чертой в жизни нелегальной организации этого периода является **пробуждение активности среди старых функционеров партии**. Широкий приток этих старых и опытных функционеров в нелегальные группы не мог не сказаться и на облике этих организаций. Идеология обновления революционного движения, носителями которой была молодежь, получила подкрепление в опыте и традиции практической революционной борьбы. Во избежание недоразумений необходимо сказать, что ни «стариками», ни молодежь **не помешляют о механической реставрации и механическом обновлении старой социалдемократии**. Их приверженность к социалдемократии только очень несведущими людьми может быть истолкована, как одобрение старой политики партии. Социалдемократические рабочие отдают себе просто отчет в том, что в начавшемся великом процессе перестройки революционного движения они являются одним из крупнейших факторов. Историческое развитие рабочего движения, приведшее к трагическому расколу старого движения на социалдемократов и коммунистов, должно быть преодолено. Но это преодоление не может быть успешно, если оно произойдет механически, если ему не будет предшествовать **консолидация этих обеих партий**. В то время как в эмиграции к единому фронту подходят ощупью на путях дискуссии, германские рабочие в своей героической борьбе против фашизма и под давлением неслыханного террора **уже нашли** общую ориентировочную линию в этом вопросе. Она находит свое выражение в кристаллизации широкого нелегального движения, группирующегося пока вокруг обеих старых партий. Но эта линия не предвещает сейчас вопроса о том, какой из обеих партий в будущем суждено возглавить революционное освобождение. Нелегальные социалдемократы хотят обновления революционного движения, но они не хотят ни новой партии, ни еще того меньше IV Интернационала.

Расширение нелегального движения не могло не вызвать усиления террора со стороны диктатуры. Количество ее жертв все растет. То, что в Австрии могло быть осуществлено очень скоро после победы фашизма — а именно — массовая неле-

“ DER KAMPF ” INTERNATIONALE REVUE

выходит в расширенном виде — 48 страниц вместо 32 страниц. Статьи по проблемам международной политики и экономики и социалистического движения. Постоянные обозрения (мировая политика, международный социализм, профессиональное движение, Советский Союз). Библиография. Обзор журналов.

Редактор: Otto BAUER.

Цена отдельного номера 4 франка, подписная плата на год 40 франков.

Генеральное представительство для Франции:
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК.

гальная партия, то в германских условиях остается в предвидимом будущем еще неосуществимым. В этих условиях не может быть и речи о каких-либо массовых выступлениях. Организация кадров остается и на данном этапе наиболее пригодной формой нелегального движения. Однако внутренние затруднения фашизма, которые по мере его изживания все будут обостряться, толкают мысль к необходимости внести коррективы в работу нелегальных кадров. Речь идет о том, как наилучшим образом использовать растущее недовольство масс режимом диктатуры. В этой связи вновь приобретает актуальность проблема о **кадрах и массе**. Ведь вся масса никогда не может перейти на нелегальное положение. Кроме того, масса, часто против своей воли, в той или иной форме вовлечена в фашистские организации. Вот почему перед кадрами рано или поздно должен встать вопрос о том, **как найти путь к этим массам**. Вопрос этот сейчас только дискутируется. Он будет решаться в зависимости от местных условий. В определенный момент развития кадрам может быть придется «войти» в фашистские организации.

Наряду с этими проблемами специальной задачей нелегального движения остается собрание всех сил социалдемократического движения — остатков прежней партии, отдельных организаций и групп — для осуществления единого фронта с коммунистами. Только из этой каждодневно осуществляемой в целях единства работы может возникнуть в будущем единая революционная социалистическая партия.

ИСПАНСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ И СОЦ. ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

На общегородской конференции мадридской организации Соц. Пар. Испании, состоявшейся 21-23 апреля 1936 г., было принято постановление, предложить предстоящему всеиспанскому партийному съезду следующий проект резолюции:

«В своей деятельности внутри РСИ, Соц. Пар. Испании не будет шадить никаких усилий, чтобы добиться единства действий обеих Интернационалов, как политических, так и профессиональных, для борьбы против фашизма и войны. Партия со всей энергией будет поддерживать в международном масштабе все стремления к единству, пока не осуществится слияние обеих Интернационалов».

Этот текст был предложен Мадридским Комитетом Партии против другого, более радикального проекта, выдвинутого оппозицией.

Кроме того, на упомянутом заседании было принято еще следующее предложение, внесенное опять-таки Партийным Комитетом:

«Отражая стремление широких рабочих масс к политическому объединению всех пролетарских сил, и исходя из того, что это объединение является залогом победы социализма, Мадридская организация Соц. Партии постановляет: предложить Исполн. Комитету Партии прийти к соглашению с Компартией Испании, — переговоры с которой уже начаты, — относительно слияния обеих партий в единую классовую партию на основе обеих программ. Как только это слияние будет завершено, будут предприняты шаги для того, чтобы распространить это соглашение и на все другие рабочие партии».

ИЗ ЖИЗНИ ШВЕЙЦАРСКИХ СОЦИАЛДЕМОКРАТОВ.

Очередной съезд Соц. Дем. Партии Швейцарии состоится 6-го и 7-го июня в Цюрихе. В порядке дня съезда основными пунктами являются: политика партии во время кризиса; хозяйственные полномочия Бундесрата (Федерального правительства); внешняя политика Швейцарии и кредиты на оборону; валютный вопрос.

К этому съезду Центр. Комитетом Партии готовятся проекты резолюций по указанным вопросам.

Проект резолюции по вопросу об **общей политике** Партии констатирует, что с.-д. партия Швейцарии «как по своему общему мировоззрению, так и по своим целям и методам, является партией демократической», стремящейся объединить вокруг себя, в борьбе против капиталистического господства, все слои трудящихся. С.-д. партия сохраняет свою самостоятельность, «отказываясь связать себя как по отношению к коммунистической партии Швейцарии созданием видимости пролетарского единого фронта, так и по отношению к левобуржуазным партиям созданием видимости левого блока», но партия готова идти вместе с другими партиями в отдельных конкретных случаях и на основе общей программы действий.

Второй проект резолюции касается вопроса о **денежной системе**. Он категорически высказывается против политики дефляции, которая «на вид стремится предотвратить девальвацию, на самом же деле ее подготавливает». Резолюция в дальнейшем содержит подробно разработанный план экономических мероприятий, направленных к поднятию покупательной силы масс.

Третья резолюция Центр. Комитета рекомендует организациям: поддерживать петиционную кампанию в пользу восстановления дипломатических и торговых сношений с Сов. Союзом, равно как поддержать законодательную инициативу, направленную против частной военной промышленности.

ПО РОССИИ

Аресты и высылки анархистов.

Новомирский получил приговор 10 лет принудительных работ в концентрационном лагере, его жена — 6 лет. Никто не может добиться справки, куда они оба посланы. **Сандомирский**, после окончания срока заключения в концентрационном лагере, послан в ссылку в Енисейск. Разрешение на работу ему до сих пор не дают. **Бармаш** находится в тюрьме, он очень тяжело болен. **Аскар** недавно вышел из госпиталя и тщетно просит о назначении места ссылки. Он очень ослабел и, если его пошлют на принудительные работы, их не перенесет. **Худолей** в ссылке в Тобольске, болен и сидит без работы. **А. Боровой** умер в ссылке месяца два назад.

В провинции без перемен.

На верхах говорят о перемене курса, о новых веяниях, но в провинции все пока что остается по старому. Местные власти распоряжаются и хозяйством и людьми бесконтрольно. Неудовольственных инженеров или рядовых рабочих выбрасывают с заводов, а при малейшей строптивости объявляют контр-революционерами. Недавно у нас, на одном из уральских заводов, уволили нескольких техников только за то, что они возражали против бессмысленного использования круглые сутки, без промотра и ремонта сложных и ценных зарубежных машин. Устраивают у нас стахановские декады и месячники, а на новые машины подают худое сырье и ставят необученных рабочих. У нас на заводе стахановщина превратилась в потогонную систему, заработки снижаются быстрее, чем растет выработка.

Еще с полгода такой работы и все машины и станки придется сдавать в капитальный ремонт.

Всегда не хватает сырья, топлива. Нет нужных оборотных средств. Начальство часто меняют, но система остается все та же.

Урал.

Р.

В советской тюрьме и ссылке.

Из особого источника нам пишут:

«...Сообщения о сосланных товарищах приходят все реже. Источники информации оскудевают не только вследствие усугубления строгости надзора, но и вследствие физической и моральной усталости самих жертв.

«Мне удалось однако за последнее время заглянуть в несколько писем или отрывков писем, дающих интересные сообщения и кое-какие характерные подробности о положении некоторых ссыльных и заключенных социалистов.

«Так, **Г. Д. Кучин** получил новых три года ссылки за частное письмо, посланное им **Либеру**, хотя позиция, занимаемая **Кучиным** в этом письме, характеризует его, как меньшевика крайнего левого толка. Он признает достижения индустриализации и социалистический характер советской промышленности. Конечно, он не одобряет жестоких методов

генеральной линии, но считает, что возвращаться к прошлому нет смысла. Он высказывается за единый фронт рабочего класса во всех странах. В одном единственном пункте остается непоколебимым: в отстаивании права критики, защите рабочей демократии, хотя, по его мнению, и тут позиция должна учитывать в своих проявлениях опасность войны и фашистскую угрозу. Но и этого одного пункта оказалось достаточно, чтобы навлечь на себя новую кару. Говорят, что сейчас **Кучин** находится в Оренбурге или Оренбургской области, вместе со своею женою и дочерью.

«Но такая расправа с политиком, совершенно лояльным отношением к советскому режиму, не должна удивлять, когда знаешь, что и авторы известной «казанской телеграммы» были арестованы и подвергнуты карам под тем предлогом, что, вступив в сношения с социалдемократами, пребывающими за границей, они проявили контр-революционную активность. Кстати, говорят, что и некоторые ссыльные с.-р. одобрили эту телеграмму, но имен этих с.-р.-ов я не знаю.

«Один товарищ, вышедший из **Бутырок**, сообщает следующие сведения о социалдемократе **Владимире Сказине**. **Сказин** вернулся в Москву после нескольких лет ссылки, в течение которых он тщательно подобрал громадный документальный материал о преследованиях социалистов. На основе этого материала он составил к последнему Съезду Советов нечто вроде меморандума, в котором протестовал против этих преследований и говорил в заключение, что при таких обстоятельствах считает себя единственным выходом от каз от советского гражданства и выезд за границу. Свой меморандум он вручил президиуму заседавшего тогда съезда, а копию его передал одному из иностранных консулов (говорят, представителю одной из скандинавских стран) для осведомления Рабочего Социалистического Интернационала, хотя и знал, что консул сочтет себя обязанным осведомить Кремль о полученном им документе. Немедленно арестованный, **Сказин** был приговорен ГПУ к смерти, но через два месяца этот приговор был заменен 10 годами концентрационного лагеря. В виде протеста против жестокого приговора **Сказин** объявил (в **Бутырках**) голодовку и прекратил ее лишь тогда, когда приговор был снова изменен на 10 лет изоляции. Что стало с ним дальше, — неизвестно.

«Другой товарищ писал из **Оренбурга** об эстонском левом социалдемократе **Зоммере**. Замешанный в дело социалистической пропаганды и осужденный на несколько лет тюрьмы, **Зоммер** бежал в СССР, где через некоторое время вступил в коммунистическую партию. Заподозренный в «оппозиции» по тому только случаю, что он настаивал на своем праве иметь и высказывать в партии собственные мнения, он был арестован в качестве «троцкиста» и осужден на 3 года тюрьмы. Чтобы не остаться совершенно изолированным, он был вынужден там примкнуть к какой-либо фракции и вступил во фракцию троцкистов. Но очень скоро троцкистское сектанство, ничем не уступающее сталинскому, оказалось для него совершенно неприемлемым. Он подал тогда заявление, в котором говорил, что, очевидно, не может считать себя коммунистом, а остается социалдемократом, и посылал письмо во ВЦИК, ссылаясь на свою эстонскую национальность и требуя репатриации, хотя бы с тем, чтобы отбыть в Эстонии тюремное заключение. Его просьба уважена не была, и после двухлетнего тюремного заключения в СССР он был сослан в **Оренбург**. Там он работал на фабрике, но в один прекрасный день был снова арестован — за что, при каких обстоятельствах, неизвестно. С тех пор о нем ничего не знают. Кое-кто предполагает, что он позволил себе сделать вполголоса, но достаточно громко, чтобы быть услышанным, несколько негодующих замечаний по поводу недостатка хлеба, когда три месяца тому назад была, за отсутствием муки, закрыта самая большая пекарня. Как бы то ни было, этот честный и мужественный социалист исчез.

«Тот-же товарищ, ныне находящийся в Сибири, писал из **Оренбурга**, что там живет племянник старого **Рашишвили**, сам уже 60-летний старик, в течение пятнадцати лет не выходящий из тюрьмы и ссылки. Он едва перебивается, одет

ЗАГРАНИЧНАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ Р. С. Д. Р. П. РЕКОМЕНДУЕТ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ И СОЧУВСТВУЮЩИМ ПРИОБРЕТАТЬ И ВЫПИСЫВАТЬ ВСЕ ГАЗЕТЫ, ЖУРНАЛЫ И КНИГИ ЧЕРЕЗ КНИЖНО-ГАЗЕТНОЕ БЮРО ПРИ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ВЕСТНИКЕ».

БЮРО ВЫПОЛНЯЕТ ВСЕ ЗАКАЗЫ ПО ЦЕНАМ ИЗДАТЕЛЬСТВ.

очень бедно, но мужественно несет свою участь. В Оренбурге-же находится Виктор Кибальчич с ребенком, числящийся троцкистом; они живут очень уединенно.

«Один из поале-сионистов, вышедших из Верхне-Уральского изолятора, рассказал историю несчастного Суханова, вызвавшую сенсацию среди ссыльных и ставшую известной и другими путями. Прибывшие в Верхне-Уральск после своего пресловутого процесса Суханов, Громан и пр. подверглись бойкоту всех социалистических и коммунистических групп изолятора. Так как и между собою они были не в ладах, то их моральное положение стало весьма тягостным. Суханов просил принятия в коммунистическую фракцию, но получил отказ. С течением времени и после ряда новых бесплодных попыток в том-же направлении, он стал все сильнее нервничать и дошел до крайней степени раздражения. Он начал писать, и во все более категорическом и раздраженном тоне, заявление за заявлением во ВЦИК, сообщая текст этих заявлений другим заключенным, в целях самооправдания и саморезабилитации. В этих заявлениях он напоминает об услугах, оказанных им режиму, которому он пожертвовал даже своею совестью, согласившись играть комедию «меньшевистского процесса». Он подробно рассказывает, как эта комедия была поставлена и организована, как ГПУ диктовало каждому его роль, как заранее сговаривались о показаниях и т. д. Он утверждает, что в словах обвиняемых не было ни звука правды, но что они согласились играть недостойную роль потому, что того, как их уверяли, требовали интересы СССР. Но, прибавляет он, ГПУ обещало учесть эту жертву и дало твердое обязательство не приводить в исполнение приговоров трибунала. Обвиняемые свои обещания выполнили, а ГПУ свои нарушило. И Суханов требовал, чтобы данное им слово было выполнено, объявляя в противном случае смертную голодовку. С несколькими перерывами, вызванными обещаниями тюремной администрации запросить инструкции в Москве и т. п., эта голодовка длилась около пятидесяти дней. В конце концов Суханов исчез, и осталось неизвестным, убедили ли его, чтобы положить конец его разоблачениям, неудобным для власти, или просто перевели в другое место.

«Незачем говорить, что вся эта история произвела огромное впечатление. Конечно, и раньше знали, что весь процесс был ничем иным, как грандиозной полицейской стряпней, но такие признания со стороны одного из главных актеров этой мрачной трагедии позволили еще лучше судить о приемах, к которым прибегает сталинская диктатура.

«Получаемые из разных мест письма сходятся в указании на значительное увеличение числа жертв репрессии. Со времени дела Кирова число это измеряется сотнями и тысячами. Товарищ, писавший из Оренбурга (и переведенный затем в Сибирь) оценивал число ссыльных в этом городе к началу года в свыше 2.000 человек, между тем как ко времени его приезда в Оренбург их было десятка два. Он думает, что та-же пропорция наблюдается во всех главных центрах ссылки. Автоматически ссылаются все вдовы расстреленных, чтобы удалить из соответствующих городов живых свидетелей расправы. После дела Кирова послана в Сибирь, на Урал и Ближний Восток значительная часть ленинградского насе-

В конторе „Социалистического Вестника“ принимается подписка на следующие издания :

1. „NEUER VORWAERTS“ — еженедельный орган германской соц.-дем-тии, издаваемый в Карлсбаде, цена за 3 мес. — 18 франц. фр.
2. „ZEITSCHRIFT FUER SOZIALISMUS“ — ежемесячный орган Герм. Соц.-Дем. Раб. Партии. Цена за 6 месяцев — 20 фр. франков.
3. „ARBEITER-ZEITUNG“ — еженедельный орган австрийской с.-дем-тии, цена за 6 мес. — 12 франц. фр.
4. „POPULAIRE“ — ежедневная газета франц. соц. партии, цена за 3 мес. — 25 франц. фр.
5. „KAMPF“ — ежемесячный с.-д. журнал австрийской партии, цена за год — 20 франц. фр.
6. „LE COMBAT MARXISTE“ — ежемесячный журнал, цена за год — 10 фр.
7. „LA BATAILLE SOCIALISTE“, цена за год — 10 фр.
8. „LA GAUCHE REVOLUTIONAIRE“, цена 10 №№ — 5 фр.

Подписка принимается не менее, чем на 3 месяца по ценам издательств.

На складе Социал. „Вестника“ имеются следующие издания :

ЦЕНА ВО ФРАНКАХ
для подписчиков „Соц. Вестн.“

Вместо: 40% скид.

Ю. Мартов: Мировой большевизм.	7,50	4,50
Ю. Мартов: В борьбе за Интернационал.	9,00	5,40
Ю. Мартов: Долой смертную казнь.	3,00	1,80
Ю. Мартов: Большевизм в России и в Интернационале.	3,00	1,80
Ю. Мартов: Записки социалдемократа.	21,60	10,80
К. Каутский: Соц. Интернационал и Сов. Россия.	6,00	3,60
К. Каутский: Большевизм в тупике. Со статьей Ф. Дана «Проблемы ликвидации».	24,00	14,40
Фр. Адлер: Об отчете Английской Делегации (с предисловием Ф. Дана).	3,00	1,80
Ф. Дан: Два года скитаний.	12,60	7,60
Д. Далин: После войн и революций.	18,00	10,80
А. Югов: Народное хозяйство России и его проблемы.	31,50	19,00
А. Югов: Пятилетка. С послесловием Ф. Дана Перспективы генеральной линии.	25,00	15,00
Гр. Аронсон: На заре красного террора.	30,00	18,00
A. Jugow: Le Plan Quinquennal. ...	25,00	20,00
O. Domanewskaja: Agrarsozialismus in Sowjetrussland.	12,00	10,00
Th. Dan: Les Socialistes russes et la dictature du Proletariat.		1 fr.
R. Abramovitch: Les Prisonniers politiques dans la République des Soviets.		6 fr.
S. Schwarz: Lénine et le mouvement syndical.		6 fr.

Скидка лишь при покупке за наличный расчет!

ления. Их так и называют не «политическими», а «ленинградцами». Они насчитываются сотнями даже в Тургае, и среди них имеются артисты, певцы, танцовщики... По общему правилу, причины своей высылки «ленинградцы» не знают. В ссылке-же находятся тысячи быв. служащих Восточно-Китайской ж. д., вернувшихся на родину после уступки дороги японцам, но не смогших приспособиться к советским условиям. И, наконец, последняя новая категория ссыльных: «партийное барахло». ...Так именуются десятки и сотни тысяч коммунистов, исключенных из партии и автоматически присуждаемых к трем или пяти годам тюрьмы или ссылки по статье 168 за делячество, обман и т. п. Все места заключения переполнены этим «партийным барахлом».

«Положение всех жертв сталинского произвола представляется безвыходным и безнадежным. Не видно ни малейших шансов на спасение. Конечно, ни один социалист или коммунист не желает сознательно войны, но все ждут ее, как нечто неотвратимое и единственно способное создать возможность каких-то внутренних перемен. Но то будет новая трагическая глава истории...»

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

- Бюллетень Экон. кабинета проф. С. Н. Прокоповича. Март 1936, № 127.
Новая Россия, № 5.
Delnicka Osveta, № 3, 4.
Cahiers du bolchevisme, № 7.
Revolutionäre Sozialisten vor Gericht. Der grosse Sozialistenprozess vor dem Wiener Landsgericht.
Que faire? Mai 1936, № 17.
Der Kampf, N° 5, Mai 1936.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 20/4, 27/4, 4/5.
Отослано: № № 9, 10, 11.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1936 г. НА ЖУРНАЛ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центр. орган Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии — Основан Л. МАРТОВЫМ

(16-ый год издания. — Выходит 10 и 25 числа каждого месяца)

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 80 фр., за 1/2 г. — 40 фр., за 1/4 г. — 20 фр.; для остальных стран: за год — 100 фр., за 1/2 г. — 50 фр., за 1/4 г. — 25 фр.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии — 3 фр., двойного — 5 фр.; для остальных стран — 4 фр., двойного — 6 франков.

ПРЕМИИ:

При заказе непосредственно в конторе журнала и оплате подписной платы за полный год вперед — подписчик получает бесплатно по его выбору:

а) одну из следующих книг: 1) Ю. Мартов — За-

писки социалдемократа, 2) Ф. Дан — Два года скитаний, 3) А. Югов — Пятилетка (на русском или франц. языке), 4) Сочинения Г. Плеханова — т. 1 (Социализм и политическая борьба. Наши разногласия и др.). Изд. Женева, 5) Две книжки: а) Jules Martov — Le Bolchevisme Mondial и б) S. Schwarz — Lénine et le Mouvement syndical, 6) Paul Faure — «Si tu veux la paix», 7) Léon Blum — Souvenir sur l'Affaire (дело Дрейфуса), 8) B. Souvarine — Staline, 9) Arthur Rosenberg — Geschichte der Deutschen Republik.

или б) абонемент на одно из следующих изданий:

1) «Kampf» — на 1/2 г., 2) «Zeitschrift für Sozialismus» — на 1/2 г., 3) «Le Combat Marxiste» — на 1 год.

Во избежание задержки в работе экспедиции, просим заказы сдавать своевременно

ZEITSCHRIFT FÜR SOZIALISMUS

Die wissenschaftlich-theoretische Monatsschrift der deutschen Sozialdemokratie stellt sich die Aufgabe, den Kampf gegen das Hitler-Regime und die Ausübung der Macht in einem befreiten Deutschland geistig vorzubereiten. Revolutionär nicht nur in der Bekämpfung des Gegners, sondern revolutionär auch in der rücksichtslosen Kritik an der eigenen Bewegung, setzt sie sich ihre Ziele: In freier Diskussion die grossen Probleme des Sozialismus und seiner Verwirklichung zu erörtern, aus der Blosslegung der Fehler in der Vergangenheit zu lernen und durch Analyse der Gegenwart die Gestaltung der Zukunft vorzubereiten.

Bezugspreise: Einzelheft — Fr. fr. 3.50; 1/2 Jahr — Fr. frs 2.20.

Заказы просим направлять через контору «Соц. Вестника».

КОМПЛЕКТЫ „СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА“, за 1935 год

В ПЕРЕПЛЕТЕ . . . . Цена 100 фр.

Библиотекам и членам групп содействия предоставляется скидка в 25 процентов. В небольшом количестве имеются и комплекты за 1932, 1933 и 1934 г.г., по цене 100 фр. за том

Через контору

„Социалистического Вестника“

можно приобрести

старые русские революцион. и социалистические
**ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ,
СБОРНИКИ, КНИГИ,
ЛИСТКИ, ПРОКЛАМАЦИИ**

ИЗДАНИЯ, выходявшие легально в гг. 1905—1907, 1911—1914 и в 1917—1918

ИЗДАНИЯ, выходявшие за-границей для пропаганды в России

Брошюры Плеханова, Аксельрода, Мартова, Ленина, Троцкого, Дана и др.

Газеты „Искра“, „Социал-Демократ“, „Пролетарий“, „Последние Известия“ и др.

Протоколы с'ездов и конференций.

Революционные издания на украинском, еврейском, грузинском и армянском языках.

Журналы и газеты имеются полными комплектами и отдельными номерами

Для просмотра списков и с запросами обращаться

„LE COURRIER SOCIALISTE“

141, Rue Broca, bat. 11, PARIS (XIIIe)